

«ПЛАТОНОВ СОВСЕМ ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК И ДРУГОЙ ПИСАТЕЛЬ»: «СОКРОВЕННЫЙ» МИР АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Т. А. Никонова, С. В. Азизова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2024 г.

Аннотация: статья рассматривает процесс формирования поэтики советской литературы на примере творчества Андрея Платонова начального периода его творчества. Один из тезисов, которые выдвигают авторы, состоит в утверждении, что Андрей Платонов является писателем нового типа, биография и творчество которого стали фактом искусства послереволюционной эпохи. Суть второго тезиса состоит в том, что предметом размышлений писателя, несмотря на его увлеченность идеями революции, был русский человек и русское мышление.

Ключевые слова: советская литература, русский писатель, Андрей Платонов, революция.

Abstract: the article examines the process of forming the poetics of Soviet literature on the example of Andrei Platonov's work of the initial period of his work. One of the theses put forward by the authors is the statement that Andrei Platonov is a new type of writer, whose biography and work have become a fact of art of the post-revolutionary era. Russian people and Russian thinking were the subject of the writer's reflections, despite his fascination with the ideas of the revolution.

Keywords: Soviet literature, Russian writer, Andrey Platonov, revolution.

Процесс рождения нового художественного сознания, новой литературной теории есть одновременно и рост личности художника и мыслителя. В. Келлер, автор первой статьи об А. Платонове периода его воронежской юности, уже тогда отметил цельность его личности. «Я говорю о нем, как о человеке, ибо он и то, что он пишет, — одно. И какая цена искусству, если оно не открывает человека?» [1, 159].

Л. А. Шубин, автор основополагающих работ об А. Платонове, отметил в одной из своих статей: «Русская литература, и в этом ее величие, с замечательной полнотой, глубиной и искренностью поведала нам о духовной жизни русской интеллигенции, о ее путях и судьбах, об этапах ее развития. Поведала о том народолюбии, которое, по словам А. Блока, “с екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте <...> и с той поры не оскудевало”» [2, 202].

Разумеется, о народолюбии русской интеллигенции и «старой» русской литературы писал не только Л. А. Шубин. Более перспективно, с нашей точки зрения, его замечание, характеризующее принципиальную новизну советской литературы, которую исследователь увидел в том, что и миф о народе, существовавший в русской литературе XIX века, был частью «духовной жизни русской интеллигенции», ее революционизирующим содержанием. Однако при этом человек из народа, замечает Л. Шубин, «прямо и непосредственно выразить себя в искусстве до революции ... не мог.

Советская литература шла по первопутку» [2, 203].

В этом, с нашей точки зрения, одна из первоочередных задач советской литературы, шедшей «по первопутку». В ней должен был появиться новый писатель, сложиться его мировоззрение, его понимание искусства, однако прямых формулировок и деклараций было явно недостаточно. Надо было «прямо и непосредственно выразить себя в искусстве» для того, чтобы стать голосом и сознанием тех, кто был лишен этой возможности до революции. Предстояло преодолеть инерцию «старого» искусства, устоявшихся литературных канонов. Нужен был читатель, владеющий новым сознанием, откликающийся на искреннее слово писателя.

В. Келлер, отметивший цельность личности молодого писателя А. Платонова, коснулся этой первоочередной задачи, поставленной самим временем. Подтверждают верность замечания В. Келлера слова А. Платонова, отметившего важную для него неразделимость жизни и искусства. Отвечая критикам, исходившим из устоявшихся стереотипов, начинающий писатель обозначил не только свою позицию, но и задачи новой литературы: «Я живу, не думаю, а вы, рассуждая, не живете — и ничего не видите, даже красоту, которая неразлучна и верна человеку, как сестра, как невеста» [3, 68].

Удивительно точно это внутреннее самоощущение молодого Платонова через десятилетия, в эпоху очередной смены смысловой и эстетической парадигмы, понял В. Г. Распутин. «Мы уже привыкли к тому роду литературы, который был у нас в девятнадцатом веке и продолжился в веке двадцатом. Существуют

определенные способы создания такой литературы, отвечающие нашему вкусу и вниманию. *Платонов совсем другой человек и другой писатель*. Такое ощущение, что он пришел из таких глубин и времен, когда литературы еще не было, когда она, быть может, только-только начиналась и избирала русло, по которому направить свое течение. И где только-только начался русский человек и русское мышление. Поэтому у него все “не по правилам” позднейшей литературы. Совсем другой мир — реальный и одновременно ирреальный; какое-то иное расположение слов и даже иные формы слов, иные мысли, еще не говорившиеся и не затвердевшие; иные у героев души, открывающиеся лишь чистому...» (Курсив наш. — Авт.) [4, 7].

Свои самые первые размышления о новом искусстве, с которым он ощущал свою душевную, кровную связь, молодой А. Платонов декларировал в 1920 году в воронежской газете «Красная деревня», отвечая на критику читателей, не узнавших себя в его рассказе «Чульдик и Епишка».

«Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безобразен. Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и всё, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся — мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира» [5, 80].

Непонимание, а главное — заведомая несправедливость критических оценок, продиктованных литературными стереотипами, вызвали эту яркую программную реплику молодого автора, впервые столкнувшегося с недоброжелательной критикой. Этот случай А. Варламов отметил как начало нелегких взаимоотношений писателя с читателями и критикой: «Платонов словно предчувствовал, что его писательский удел — раздражать и навлекать на себя гнев, он учился держать удар и отвечать обидчикам. С рабочих позиций в рабочем государстве делать это было удобнее всего, и он свое законное место грамотно занял, благо ему прикидываться рабочим надобности не было» [6, 39].

На наш взгляд, подобной идеологической расчётливости не было в цитированном ответе А. Платонова.

Как и многие пролетарские авторы, А. Платонов пришел в литературу не от «книжного» опыта, пришел с недоверием к «чужому», готовому слову. Его творчество несло вызов устоявшимся литературным нормам и стереотипным читательским оценкам. Его героем был «рядовой народ», его реальная жизнь, в которой писатель Андрей Платонов всегда искал ответы на свои вопросы. И неслучайно несколькими годами позже он напишет в очерке «Че-ЧЕ-О»: «...искусство дороже вещей, потому что оно приближает человека к человеку, а это труднее и нужнее всего» [7, 212]. Этот вывод — результат разговора с Федо-

ром Федоровичем, пожилым мастеровым из числа тех, кому «надо глядеть ему в рот и сочувствовать ему, тогда его затруднения речи имеют проясняющее значение» [7, 212].

Рано проявившаяся платоновская личностная уникальность, самоотверженная преданность истине были его органическими чертами. В седьмой записной книжке 1931 года обратим внимание на важную для нас мысль зрелого писателя, утверждавшего, что следует «писать не талантом, а человечеством, *сущностью своею*» (Курсив наш. — Авт.) [8, 81].

Особую важность платоновских размышлений для понимания его творчества отметила член-корреспондент РАН Н. В. Корниенко: «Записные книжки писателя — один из помощников на трудном пути познания того нового мира, что создан Платоновым в русской литературе XX века» [8, 4].

Как всегда в переходную эпоху, дистанция между творчеством жизни и созданием произведений практически не осознается, срабатывает тенденция сдвига литературной нормы в сферу быта (Ю. Тынянов), меняющая обе составляющие — и литературу, и быт. Не случайно Н. В. Корниенко указывает на большое значение писем, биографических материалов в художественном сознании писателя. Они, по ее справедливому заключению, — «органическая часть наследия писателя, замечательный документ русской истории литературы и быта советской эпохи, бесценный, а зачастую и единственный надежный первоисточник для понимания платоновского творчества, составления хроники жизни гениального писателя и комментария его произведений» [5, 7–8].

А. Платонов остро чувствовал особенность своих героев, своего видения мира. В письме М. А. Платоновой 1927 года он писал о своих сложных отношениях с читателями, критиками, перед которыми он не мог предстать в “приемлемом” виде: «Мои идеалы однообразны и постоянны (Здесь и ниже подчеркнуто А. Платоновым. — Авт.). Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать» [5, 205].

Молодой писатель понимает причины своей невключенности в идейно организованный литературный поток. Для доказательства обратимся к статье А. Платонова «Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества)» (1926), написанной не без элементов пародии на декларативный стиль современников, но в которой между тем, как отметила Н. В. Корниенко, «...прозвучат и вполне серьезные и сокровенные идеи Платонова» [9, 5]. В этой статье-деклара-

ции А. Платонов не только иронизирует по поводу приемов писательского «ремесла», но излагает свои взгляды на литературу.

Как свидетельствует статья, писатель уже четко осознает свои цели в творчестве и понимает, что он не таков, каким его хотят видеть: «Говорят — пиши крепче, большим полотном, покажи горячие недра строительства новой эпохи, нарисуй трансформацию быта, яви нам тип человека нового стиля с новым душевным и волевым оборудованием» [9, 45].

Далее А. Платонов перечисляет регулятивные требования идеологов становящейся советской литературы, которые по своей сути повторяли стереотипы изображения «простого» человека в «народолюбивой» литературе прошлого. Нормативы послереволюционных десятилетий изложены в программных документах писателей и критиков, входивших в Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП). Содержание статьи показывает, что А. Платонов с ними не согласен в главном. Если литературой так легко руководить, то это, по А. Платонову, умозрительное дело, а не искусство. Поэтому в тексте его статьи появляется инженер, которого он противопоставляет поэту: «От инженера на вас пахнет здоровый тугой ум и свежий ветер конкретной жизни, а от поэта (не всегда, но часто) на вас подует воздух из двери больницы, как из рта психопата» [9, 47].

Возможно, поэтому герои первых произведений писателя — инженеры, преобразователи, хотя действуют они, как поэты. У инженера, как его изображает писатель, творящий ум, который поглощает человека целиком. Это его качество можно принять за аскетизм, свойственный, например, революционерам романа М. Горького «Мать», в котором Власов отказывается от любимой девушки во имя революционной борьбы, что высоко оценено романистом.

А. Платонов иначе оценивает поведение такого героя. Напомним платоновский тезис о том, что надо «писать не талантом, а человечеством, сущностью своею». В ранних, научно-фантастических повестях, он изображал инженеров, увлеченных глобальными идеями достижения счастья и радости для всего человечества. Но для А. Платонова важно, что масштабные идеи не делают его героев счастливыми, не несут радости их близким. Так, преодолевающий внешние препятствия для реализации своей технической задачи Петер Крейцкопф из «Лунных изысканий» буквально сеет смерти на своем пути. В повести «Эфирный тракт», ведомый своей идеей, Михаил Кирпичников оставляет семью, несмотря на протесты жены. Там же инженер Матиссен, реализовав свой замысел, нарушает движение материков, вызывает гибель множества людей и в конечном итоге погибает сам. В таком завершении «инженерных» сюжетов — платоновская оценка масштабных, космических задач, для выполнения

которых требуются человеческие жертвы, отказ от «счастья вблизи человека» (так А. Платонов называет рассказ 1947 года).

Повесть «Епифанские шлюзы» (1926) можно считать первым свидетельством того, что созданная А. Платоновым картина мира получила художественное воплощение. В повести, сюжет которой связан с жертвой английского инженера Бертрона Перри, которую он приносит, пытаясь цивилизовать «дикую» и «таинственную» страну [10, 100]. Реализация грандиозного проекта, считал Перри, сделает его героем эпохи, каким некогда был Тамерлан, и лишь тогда достойным любви его невесты. Гибель в финале повести героя, не реализовавшего своих замыслов, — прощание А. Платонова с героями-глобалистами, для которых грандиозность их планов дороже человека.

Отметим еще одну особенность повести «Епифанские шлюзы», которая позволяет считать, что сложность и многогранность художественного мира писателя получила адекватное воплощение в его языке. Внешне изломанный, насыщенный «неправильными», на первый взгляд, выражениями, он становится визитной карточкой писателя. Однако носитель русского языка легко понимает такие словосочетания, как «река умирала» и «рыбы спустились» («Чевенгур») [11, 92], «некуда жить, вот и думаешь в голову» («Котлован») [11, 434]. Именно в таких фразах через десятилетия В. Г. Распутин увидит «какое-то иное расположение слов и даже иные формы слов, иные мысли, еще не говорившиеся и не затвердевшие» [4, 22], отметит рождающуюся душу платоновского героя. Верность такого наблюдения подтверждает и сам писатель, в письме М. А. Платоновой, курировавшей в его отсутствие публикацию повести, настойчиво указывавший «на необходимость точного сохранения моего языка (Подчеркнуто А. Платоновым. — Авт.)» [5, 213]. Отныне «неправильная» платоновская фраза станет не только его стилиевой приметой, но обозначит пространство его прозы, отграничит его слово от бытового, разговорного континуума.

Повесть «Сокровенный человек» несет в себе другое платоновское открытие. Она обозначила одно из важных качеств платоновских образов-заголовков, содержательный, философский смысл которых раскрывает текст повести, его герой из числа тех «иносказательных» людей, речи которых «имеют проясняющее значение» [7, 212].

Экспозиция сюжета — смерть жены — включает глубоко личное переживание Пухова в события гражданской войны, в реальную историю страны. На пересечении, казалось бы, разных по объему событий по-платоновски «неправильная» фраза вводит читателя во внутренний мир героя.

«Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки» [10,

161]. На фоне «гастрономической» темы, полемически заявленной в первых строках повести, смерть жены может быть воспринята как частная утрата. Однако к этой ситуации и к начальной фразе Пухов возвращается в повести неоднократно, так как ею обозначена ментальная *бесприютность* и одиночество героя в мире. А. Ю. Грязнова о такой ситуации, нередкой в прозе Андрея Платонова, пишет как о сиротстве. Сиротство, указывает она, «является онтологической потерей, которая приводит к разрушению единства между человеком и миром» [12, 15].

О глубине переживания Пуховым смерти жены свидетельствуют многочисленные возвращения к началу сюжета. О своих переживаниях герой «никогда никому не сообщал, поэтому все действительно думали, что Пухов корявый человек и вареную колбасу на гробе резал. Так оно и было, но Пухов делал это не из похабства, а от голода» [10, 200].

Замеченные словно бы «со стороны» «корявость» и «похабство» Пухова являются неожиданными, т.к. не было внешних наблюдателей этой сцены. В таком случае упреки в «корявости» и «похабстве» должны принадлежать герою, укоряющему и оправдывающему себя одновременно. Однако в логике платоновского мира цитируемый текст в равной мере может принадлежать и Пухову, и автору. Нескрываемая близость писателя к героям стирает границу между авторской речью и оценками героя. Сюжетное повествование легко превращается в философские заключения. Оттого и герои А. Платонова «один умней другого», оттого Фома Пухов — один из «страны философов».

Исходя из близости автора и героя, мы не согласимся с точкой зрения В. А. Чалмаева, утверждающего, что Фома Пухов «не характер, а плавающая авторская точка зрения» [13, 72]. Использованный им термин отсылает к давней работе Е. Толстой-Сегал «“Стихийные силы”: Платонов и Пильняк (1928–1929)» (1994). Описывая позицию А. Платонова в контексте прозы 1920-х годов, Е. Толстая-Сегал констатирует отказ А. Платонова от «литературных» норм на фоне «традиционных антиномий Пильняка». В платоновских текстах, по ее мнению, «вместо выделения “точек зрения” появляется “плавающая”, перекрывающая *различные воспринимающие сознания*. Авторская оценочная точка зрения убирается, идеология “разливается” по тексту» [14, 100].

На наш взгляд, в произведениях А. Платонова трудно различать «воспринимающие сознания», учитывая «родовую» способность его героев «думать две мысли сразу». По принципам дополнительности и противоречий они создают динамичный, живой платоновский мир, вовлекающий и автора, и героя своей психологической и философской наполненностью. Потаенность же внутреннего мира героя в этом случае является намеренной, откры-

вающейся внезапно как *сокровенность*, которую автор-повествователь бережет так же, как и его герой. Отметим и содержательное противоречие в рассуждениях Е. Толстой-Сегал, объединившей отсутствие «авторской оценочной точки зрения» с «разлитой» «по тексту» идеологией.

Мысль А. Платонова-философа, по закону его художественного мира, направлена на «кровную» справедливость, на защиту человека в том числе и от неправды и противозаконности бытия. «Он [Пухов] тогда же почувал — куда и на какой конец света идут все революции и всякое людское беспокойство» [10, 201]. Смерть жены подводит его к философскому вопросу о жизни и смерти, гражданская война и революция вписываются в тот же масштаб размышлений.

«Все совершается по законам природы!» [10, 161] — не может не признать Фома Пухов. Это признание неотвратимого жизненного закона, выразившегося в горьких размышлениях героя: дать бы «моей старухе капитальный ремонт — жива бы была» [10, 162].

Неотвратимость законов природы герои А. Платонова понимают разумом, но «...сердце его [Пухова] иногда тревожилось и трепетало от гибели родственного человека и хотело жаловаться всей круговой поруке людей на общую беззащитность. В эти минуты Пухов чувствовал свое отличие от природы и горевал, уткнувшись лицом в нагретую своим дыханьем землю, смачивая ее редкими неохотными каплями слез» [10, 200].

В редких слезах героя — его равенство со всеми живущими, равенство перед силой «мировых законов вещества». Как к неотвратимости он относится к революции и гражданской войне. Понимая ее неизбежность, Пухов не сомневается в революции. В конце повести, пройдя многими дорогами, он придет к мысли, не противоречащей и авторской позиции: «Революция — как раз лучшая судьба для людей, верней ничего не придумаешь» [10, 235].

Современное платоноведение накопило богатый материал, который можно обозначить как описание литературно-эстетических и философских контекстов платоновского творчества. Литература его времени, реалии бытовые, социальные, культурные помогают понять, откуда шел А. Платонов, с кем и с чем он не соглашался. Однако глубина и сложность платоновского мира таковы, что всегда остается сомнение в исчерпывающем, завершающем истолковании сказанного им. Новизна таких писателей, как Андрей Платонов, определяется не их пролетарским происхождением или революционным временем. Факт своей биографии такие художники превращают в факт литературы. Именно эта слиянность, предельная искренность слова А. Платонова отразились в полемичном по форме, но верном по сути замечании В. Г. Распутина: «Платонов совсем другой человек и другой писатель» [4, 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Келлер В. Андрей Платонов / В. Келлер // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сборник. — М.: Современный писатель, 1994. — С. 157–162.
 2. Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове. Работы разных лет // Л. А. Шубин. — М.: Советский писатель, 1987. — 368 с.
 3. Платонов А. Сочинения. Том 1: 1918–1927 Книга 2: Статьи / А. Платонов. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 501 с.
 4. Распутин В. Г. Свет печальный и добрый / В. Г. Распутин // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — С. 7–9.
 5. Платонов А. П. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / А. Платонов; сост., вступ. статья, коммент. Н. Корниенко и др. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Редакция Елены Шубиной, 2019. — 717 с.
 6. Варламов А. Н. Андрей Платонов / А. Н. Варламов. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 544 с.
 7. Платонов А. П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / А. П. Платонов / Вступ. статья А. Битова. — Под ред. Н. М. Малыгиной. — М.: Время, 2009. — 656 с.
 8. Платонов А. П. Записные книжки: материалы к биографии / Публ. М. А. Платоновой, сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. — М.: Наследие, 2000. — 424 с.
 9. Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / А. П. Платонов. Сост., комментари Н. В. Корниенко. — М.: Время, 2011. — 720 с.
 10. Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов / А. П. Платонов / Под ред. Н. М. Малыгиной. — М.: Время, 2011. — 560 с.
 11. Платонов А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / А. П. Платонов. — М.: Время, 2011. — 608 с.
 12. Грязнова А. Ю. «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова. Монография / А. Ю. Грязнова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. — 193 с.
 13. Чалмаев В. А. Андрей Платонов. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. 2-е изд. / В. А. Чалмаев. — М.: Изд-во МГУ, 2002–144 с.
 14. Толстая-Сегал Е. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк (1928–1929) / Е. Толстая-Сегал // Андрей Платонов: Мир творчества. — М.: Современный писатель, 1994. — 432 с.
- Воронежский государственный университет*
Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: tam-nikonova@yandex.ru
- Воронежский государственный университет*
Азизова С. В., аспирант кафедры русской литературы XX–XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: sophiaazizova@gmail.com
- Voronezh State University*
Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, Theory of Literature and Humanities.
E-mail: tam-nikonova@yandex.ru
- Voronezh State University*
Azizova S. V., Postgraduate student of the Department of Russian Literature XX–XXI centuries, Theory of Literature and Humanities
E-mail: sophiaazizova@gmail.com